

РОЗДІЛ VI ПАМ'ЯТКОЗНАВСТВО В ДОКУМЕНТАХ

А.А. НЕПОМНЯЩИЙ

“Никак не могу пересилить себя...»: письма Николая Эрнста Федору Эрнсту

В научный оборот вводится неизвестный ранее корпус писем крупного крымоведа, археолога Николая Эрнста к его брату – крупному деятелю музееведения Украины, организатору памятникоохранительной работы Федору Эрнсту. Эпистолярный корпус был выявлен и атрибутирован профессором А.А. Непомнящим. Письма являются интересным источником о развитии науки на полуострове в 20–е годы XX в., истории Таврического университета, биографии деятелей науки.

Среди разнообразного корпуса исторических источников, которые помогают восстановить историю изучения Крыма, более рельефно ощутить особенности пульсации научной жизни на полуострове в различные эпохи, мы выделяем и активно разрабатываем, прежде всего, эпистолярное наследие крымоведов [1]. Настоящим открытием для истории науки стали выявленные нами в личном архивном фонде известного украинского историка, искусствоведа, музееведа и деятеля памятникоохранительной сферы Федора Людвиговича Эрнста (1891–1942) письма к нему брата – выдающегося крымоведа Николая Львовича Эрнста (1889–1956). Дело не атрибутировано: имеет заголовок “Письма Ф.Л. Эрнсту некоего Коли”.

Именно личная и служебная переписка позволяет нам воссоздать интеллектуальную напряженность эпохи, демонстрирует особенности характеров, пристрастия, субъективные оценки историков. Вместе с тем, как раз эти источники до последнего времени оставались в значительно меньшей степени введенными в научный оборот и, соответственно, исследованными. Причиной такой ситуации является трудоемкость их разыскания и разработки в личных архивных фондах крымоведов и архивах крымоведческих обществ, которые хранятся, в основном, в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и

– в сравнительно малом количестве – в Симферополе. Вместе с тем, письма являются и важным, до сих пор малоразработанным, библиографическим источником. Краеведы Крыма, обсуждая на страницах своей переписки различные сюжеты местной истории, постоянно сообщали друг другу о новинках литературы по данным вопросам, выполняли друг для друга различные библиографические запросы, давали оценки сочинений коллег, рассказывали о своих новых публикациях. Незнание этих важнейших источников приводит, порой к историографическим казусам [2].

Для историков давно очевидным стал тот факт, что разные письма требуют разного “прочтения”, различных исследовательских подходов. С осознанием этого были связаны и многочисленные попытки систематизации эпистолярного наследия, но они традиционно использовали тематический критерий, исходили из содержания текстов, что нередко приводило к значительным натяжкам и не проясняло механизма происхождения и бытования источников.

Содержание и стилистика письма определяются двумя основными факторами: естественно возникающей потребностью передать определенному лицу те или иные сведения и реально сложившимися взаимоотношениями корреспондентов. Следует при этом заметить, что верное по сути, но размытое понятие “реально сложившиеся взаимоотношения корреспондентов” [3] допускает большие разночтения.

Рассматривая механизм обмена письменной информацией, можно говорить о развившихся на его основе системах переписки, которые различаются по назначению, содержанию, форме, месту в специализированных комплексах письменных материалов. В этом случае за основу берется один из главных признаков, характеризующих происхождение переписки, – юридическое положение корреспондентов. Для понимания характера переписки нужно еще учитывать, насколько сами переписывающиеся принимали во внимание юридическое положение друг друга в своих эпистолярных отношениях. Маркером установившихся иерархических отношений между автором письма и адресатом как раз и служат эпистолярные обращения. Четкое представление о границах в использовании тех или иных форм этикетных обращений важно для понимания характера переписки, извлечения латентной информации [4].

В последние десятилетия XX в. методологические поиски мировой историографии все более сосредотачивались в направлении микроистории. Ученые из разных стран справедливо констатировали, что именно в истории индивида и “новой биографической истории” наиболее четко и наглядно была поставлена ключевая методологическая проблема соотношения и совместности микро– и макроанализа. В конечном счете, мы стремимся ответить на вопрос, каким образом унаследованные культурные традиции, представления определяли поведение людей (весь ход событий, их последствия) в специфических исторических обстоятельствах. В контексте современных микроисторических подходов внешняя форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием. Вполне отчетливо проявившиеся в этой

области тенденции свидетельствуют о рождении нового направления со специфическими исследовательскими задачами – персональной истории. Основным объектом ее штудий являются персональные тексты, а предметом исследования – история одной жизни во всей ее уникальности и полноте. При этом вполне естественно, что в фокусе биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь, искания ума, отношения с коллегами. Именно поэтому в “новой биографической истории” особенное значение придается выявлению автобиографической составляющей различных документов [5]. В этой связи введение в научный оборот корпуса писем одной из крупнейших фигур региональной историографии Крыма – Николая Львовича Эрнста – позволит значительно дополнить малоизвестные страницы крымоведения 20–х гг. XX в.

Приехавший из Петрограда в Симферополь Николай Эрнст работал библиотекарем (заведующим Научной библиотекой) в Таврическом университете. Одновременно он получил должность приват-доцента, позже – профессора сразу на двух кафедрах: российской истории и немецкого языка. В 1921 г. он одновременно поступил на работу в Центральный музей Тавриды [6]. Сохранившийся эпистолярный блок писем Н.Л. Эрнста брату охватывает период с февраля 1921 г. по ноябрь 1930 г. Из содержания переписки явно, что в личном архивном фонде Федора Людвовича отложились не все письма. Об этом свидетельствует разрыв сюжетных линий, значительные порой хронологические лакуны (до нескольких лет). При этом в отдельных случаях сохранились ежемесячные послания, что свидетельствует о системности эпистолярного общения братьев. Первое из сохранных писем датировано 20 февраля 1921 г. Для нас оно особенно интересно тем, что этот сложный период становления новых советских порядков на полуострове – время страшного голода, унесшего тысячи человеческих жизней, и разрухи – менее других охвачен имеющимся в нашем распоряжении эпистолярным наследием других деятелей крымоведения. Н.Л. Эрнст сообщал брату:

У меня настроение менее жизнерадостное, чем обыкновенно. Очень страдаю от холода, в чем, правда, в значительной степени сам виноват, так как не запася дровами вовремя, поверивши обещаниям Университета. А тут как нарочно еще необычно длинная зима. Словом, руки коченеют и невозможно заниматься. Вечером горит, как у Нестора Летописца, лампада. Это тоже не подымает настроение. Обедаю в советской столовой, где дают пригоревшую кашу из пшеницы. Жалования не платят 4 месяца, так как в Крыму нет советских денег. Продавать мне нечего, ибо лучшую часть моего гардероба украли солдаты. Словом, не хорошо.

Между тем, работы сколько угодно. Правда, в Университете упразднили Историко-филологический факультет [7], так что лекции мои прекратились. Однако я тогда стал читать на Естественном факультете курс «Доисторический человек». (Я вообще ударился в археологию).

Много работы по библиотеке. Кроме того, устраивается здесь Центральный музей Тавриды – археологический и художественный, в коем я состою директором. Конечно масса работы, возни. И за все это получаешь фунт хлеба и немного пригоревшей каши. Обидно.

<...>

Провел я напр. чудесное лето, ползавши вдоль по горам в окрестностях Бахчисарая, исследуя район поселений древних готов, их укрепления, пещерные города. Затем бродил по Южному берегу в подобных же целях. Привез с собою много рисунков, планов, записок. Кормился, правда, черт знает чем, ночевал, где Бог пошлет и терпел разные невзгоды вплоть до «зеленых» в горах, но чувствовал себя чудесно и был вполне удовлетворен <...> [8].

4 июля 1921 года Николай Львович сообщал брату: “Провожу лето довольно подвижным способом. Двигаюсь много по городу и по Крыму. В городе у меня масса работы так как я состою в нескольких учреждениях” [9]. Такую трудовую ретивость он прозаически объяснял необходимостью “погони за пайками”: “я работаю в университете на двух должностях, в музее, в Кавалерийском училище (!), во Внешторге (!) и Финотделе (!). Какое я имею отношение к этим последним учреждениям, ведает один Аллах. Вот и гоняю целыми днями по городу, высунувши язык” [10]. В этом же письме Н.Л. Эрнст рассказывает о научной поездке по маршруту Карасубазар–Феодосия–Керчь, во время которой он осматривал памятники археологии, знакомился с историей и этнографией крымчаков [11].

В следующих письмах Николая Львовича, например, от 5 ноября 1923 г., содержится все более информации о проведенных им археологических раскопках “пещеры в 25 верстах от Симферополя” [12].

События 1924 г. дошли до нас сразу в четырех письмах Н.Л. Эрнста к брату. В послании от 21 мая 1924 г. он сообщал: “Дома писал понемногу, да все вещи, которых нельзя напечатать. Никак не могу пересилить себя и писать разную плоскую популярщину для экскурсантов, а это теперь единственный товар в спросе. Читал спорадически лекции, регулярно в Университете не читал – раздражает атмосфера” [13]. В двух последующих письмах (от 30 июня и 12 июля) Николай Львович оговаривал детали приезда Федора Людвиговича в Крым, организации его отдыха и культурно-научную программу (осмотр крымских древностей и раскопок). Киевскому гостю хотелось побывать в Севастополе и осмотреть археологические памятники Юго-Западного Крыма и Южного берега. Брат договорился о его проживании в Херсонесе [14].

23 октября Н.Л. Эрнст сообщал в Киев:

КрымСовнарком потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым [15]. Раскапывали древнее татарское кладбище около станции. Выкапывали старые ушедшие в землю надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими и прекрасными надписями. Датированы концом XIV-го – началом XV-го века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересный по строительной конструкции [16].

2 марта 1925 г. в письме к брату Н.Л. Эрнст делился впечатлениями о проходившей в декабре 1924 г. в Москве Второй Всесоюзной конференции

по краеведению. Крымскую АССР на ней представляли А.И. Полканов и Н.Л. Эрнст [17]. Николай Львович сообщал в письме, что “очень близко сошелся на съезде со Спицыным [18]; в общежитии спал на соседней с ним кровати, так что мы целыми ночами беседовали. Он чудесный старик” [19].

Письма Н.Л. Эрнста являются интересным источником и о проведении первой Всесоюзной Археологической конференции в Керчи. В 1926 г. исполнялось 100-летие со дня официального основания Керченского музея древностей. Крымские краеведы справедливо считали необходимым отметить эту круглую дату проведением в Керчи научной конференции. Конечно, подразумевался Археологический съезд, созданный по дореволюционным классическим канонам, однако всем было ясно, что о таком названии собрания советских археологов не может идти речи. За организацию конференции взялся КрымОХРИС совместно с Керченским археологическим музеем. 17 февраля 1926 г. Николай Львович сообщал Федору Людвиговичу: “предполагается всесоюзный археологический съезд в Керчи и Херсонесе по случаю столетия Керченского музея. Наверное, будет очень интересно. Ведь в первый раз после 1911 года...” [20].

27 марта Н.Л. Эрнст писал в Киев:

Определенно решен вопрос о созыве по случаю столетнего юбилею Керченского музея “Всесоюзной Конференции Археологов” в Керчи в начале сентября. Конференцию созывает Главнаука РСФСР. Для осуществления юбилея вообще и Конференции в частности образованы три комитета – один у нас, крымский, один в Москве в Главнауке и один в Питере в Академии Ист. Мат. Культ. Так как от нас исходила инициатива, то мы продолжаем ее держать в руках, вырабатываем программу юбилея и конференции списки приглашаемых и пр. Сначала Главнаука хотела придать программе конференции характер исключительно посвященный керченской археологии. По нашему настоянию она расширила программу в том смысле, что “на Конференции читаются доклады из области археологии Крыма и культур южной России, связанных с Крымом”, хотя с Крымом можно связать все, что угодно, все же мы будем настаивать, чтобы программа была еще более расширена и включала вообще всю русскую археологию. Без сомнения, так и будет, даже если в официальной программе и будет значиться вышеприведенная формула. мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов.

По случаю юбилея будет выставка археологической работы музея за 100 лет (чертежи, карты и пр.), будут открыты все катакомбы с фресками, всегда закопанные (я за 7 лет пребывания в Крыму их еще ни разу не видел) – это исключительной редкости случай. Будет устроен ряд интереснейших экскурсий в Нимфей, Мирмикион, к Асандрову валу, на гору Опук и на Тамань. После съезда можно будет еще предпринять какое-нибудь путешествие скопом по Крыму.

Из удобств предполагается железнодорожная скидка в 50 %, бесплатная ночевка и очень удешевленные харчи” [21].

В этом же письме Николай Львович советовался с братом, какие украинские научные учреждения и общества приглашать; предлагал киевским ученым “проявить инициативу” и создать в украинской столице “Комитет

содействия конференции”. Он справедливо заметил: “Желательно, конечно, чтобы приехали деятельные люди и поменьше ротозеев, кустарничающих и научных барышень” [22].

К вопросу об археологической конференции в Керчи Н.Л. Эрнст вновь возвращается в письме 27 мая 1926 г.: “На твой вопрос о Керченском съезде могу тебе сообщить, что он, по-видимому состоится, но, возможно, в скромных размерах, ибо мало видов на ассигнования сумм. Вообще, раз дело в руках Главнауки, то оно идет черепашьими шагами и бесполокво. Мы со своей стороны все подготовили в феврале-марте, а они до сих пор ни с места, даже приглашений еще не посылают. могут этим сильно испортить дело. Деньги собственно нужны не столько на съезд, сколько на ознаменование юбилея ремонтами, премиями и пр., а для съезда нужны деньги маленькие” [23]. В этом же письме Николай Львович подробно рассказал о результатах своих археологических исследований на Неаполе.

Эпистолярное наследие Н.Л. Эрнста, раскрывающее его деятельность как ученого-археолога и крупного организатора науки, тем более интересно в связи с резко негативным отношением к нему выдающейся фигуры крымского краеведения Арсения Ивановича Маркевича после его замены Н.Л. Эрнстом на посту председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии 19 апреля 1930 г. [24]. Письма позволяют нам воссоздать сложный психологический фон эпохи, более рельефно увидеть личность видного крымоведа.

1. См. подробнее: *Непомянутый А.А.* Подвижники крымоведения. – Симферополь, 2006. – Т.1. – 324 с., ил. – (Библиография крымоведения; Вып. 7); Т.2: TAURICA ORIENTALIA. – Симферополь, 2008. – 600 с., ил. – (Библиография крымоведения; Вып. 12).

2. Без изучения личной переписки невозможно представить истинную картину истории крымоведения. Никакие иные документы не восполняют в полной мере содержащихся там данных. Симферопольский “источниковед” с претензией на сенсационные научные открытия – С.Б. Филимонов (так амбициозно он пишет о своих публикациях), известный перепечатками опубликованных в революционные годы на страницах местных газет статей, вдруг взялся за проблему историографии и источниковедения истории высшей школы в Крыму. С.Б. Филимонову, привыкшему ссылаться только на самого себя, как оказалось, абсолютно неизвестна обширная источниковая база истории Таврического университета. Забавно было читать, как такой “признанный” специалист, знаток источников в поисках рукописи А.И. Маркевича “немедленно отправился в архив вуза” (с. 112) (см.: *Филимонов С.Б.* Об историографии и источниковедении истории Таврического университета: К 90-летию начала разработки истории вуза // II Международная научно-практическая конференция “Крым в контексте русского мира: История и современность” / Русская община Крыма. – Симферополь, 2009. – С. 111–119). Как продемонстрировала эта очередная “сенсационная” статья С.Б. Филимонова, информацией по проблеме он не владеет: сведений “ничтожно мало” (с. 112), зато он не преминул и здесь расхваливать свои “документальные находки” – перепечатки, “тепло встреченные критикой” (с. 114). Статья С.Б. Филимонова напоминает школьный реферат. Скорее всего, материал публиковался, чтобы дать очередной “урок” “провідному фахівцю”, который указал на элементарное незнание “областным академиком” источников по истории крымоведения.

3. *Ананьева Т.* К вопросу о систематизации эпистолярных источников // *Студії з архівної справи та документознавства.* – К., 2004. – Т. 12. – С. 85–86.

4. *Балашиова Е.В.* Социолінгвістический анализ етикеточных форм обращения в эпистолярном жанре // *Вестник Ленинградского государственного университета.* Серия: История, язык, литература. – 1983. – № 2. – С. 78–81.

5. *Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. – М., 2004. – С. 262–268.

6. *Храпунов И.М.* Микола Львович Ернст // *Археология.* – 1989. – № 4. – С. 111–115.

7. См. подробнее: *Непомнящий А.А.* Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. – Симферополь, 2005. – (Биобиблиография крымоведения; Вып. 3). – С. 75–90.

8. Национальные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствознания, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рыльского (далее – НАФРФИИФЭ), ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 1–1 об.

9. Там же, л. 2.

10. Там же.

11. Там же, л. 3–3 об.

12. Там же, л. 5–6.

13. Там же, л. 9 об. Интересно и подробно о психологической атмосфере в Крымском университете (с 1925 г. – педагогическом институте им. товарища М.В. Фрунзе) рассказывает в многочисленных письмах к Игнатию Юлиановичу Крачковскому преподаватель этого вуза Виктор Исидорович Филоненко (см. об этом: *Непомнящий А.А.* Академік Г.Ю. Крачковський і кримські орієнталісти: За матеріалами епістолярію // *Східний світ.* – 2008. – № 1. – С. 194–209; № 2. – С. 148–157; *Он же.* Нові матеріали з історії кримознавства 20-х років ХХ століття в листуванні Г.Ю. Крачковського та В.Й. Филоненка // *Краєзнавство.* – 2008. – № 1–4. – С. 85–95; *Он же.* Листування В. Филоненка з академіком Г. Крачковським: Нове джерело з історії кримознавства 20-х років ХХ ст. // *Історичний журнал.* – 2008. – № 3. – С. 9–18.

14. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 10, 11.

15. Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) – историк-кымовед, доктор исторических наук, профессор. После окончания Санкт-Петербургского университета и столичного Археологического института работал в Русском Археологическом институте в Константинополе, позже – Петроградском университете. В дальнейшем ученый преподавал в Московском, Самарском университетах, Калининском, Московском им. В.П. Потемкина, Ярославском им. К.Д. Ушинского педагогических институтах. В последнем он заведовал кафедрой всеобщей истории. С 1924 по 1933 г. являлся сотрудником Государственного Исторического музея. С 1924 по 1934 гг. – действительный сотрудник Института археологии и искусствознания и Института народов Востока Российской Академии наук (см. о нем: *Пятышева Н.А.* С. Башкиров // *Советская археология.* – М., 1963. – № 3. – С. 316–317; *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – М., 2004. – С. 205–206, 227–244; также см. собственноручно заполненные им анкеты в Петербургский филиал архива Российской Академии наук (ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8–12), личное дело А.С. Башкирова в Государственном архиве Российской Федерации (ф. А–2307, оп. 22, д. 64).

16. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 13–13 об.

17. После возвращения крымских делегатов в Симферополь на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии было устроено обсуждение работы конференции. С основным докладом выступил Н.Л. Эрнст, который акцентировал внимание на “необходимость вовлечения в краеведческую работу широких масс населения и советской общественности (профессиональных и партийных организаций)

и передовой молодежи”, а также на “необходимость тесной связи с госорганами, особенно хозяйственными и планирующими” (см. подробнее: *Непомятый А.А.* Новые архивные документы к биографии Арсения Маркевича, 1921–1926 // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: История. – Симферополь, 2004. – Т. 178 (56), № 1. – С. 42–48; *Он же.* Эпистолярные материалы как источник для восстановления истории краеведения в Крыму в 30–е годы XX века // Дніпропетровський історико-археологічний збірник / Дніпропетровський нац. ун-т. – Дніпропетровськ, 2009. – Вип. 3: На пошану професора Анатолія Григоровича Боблюха. – С. 388–410.

18. Александр Андреевич Спицын (1858–1931) – археолог. После окончания Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1882) служил преподавателем истории Вятской женской гимназии. С 1892 г. – сотрудник императорской Археологической комиссии (соответственно, с 1919 г. – Российской Академии истории материальной культуры, а с 1926 г. – Государственной академии истории материальной культуры). Читал лекции по археологии в столичном университете (с 1909 г.) и Археологическом институте (с 1914 г.).

19. НАФРФФИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 15 об.

20. Там же, л. 17.

21. Там же, л. 19–19 об.

22. Там же, л. 19 об.

23. Там же, л. 20.

24. См. об этом: *Непомятый А.А.* Арсений Маркевич... – С. 223–225.

***Непомятый А.А.* “Ніяк не могу пересилити себе...”: листи Миколи Ернста Федорові Ернсту**

До наукового обігу вводиться невідоме раніше листування відомого кримознавця, археолога Миколи Ернста до його брата – визначного діяча українського музеєзнавства, організатора пам'яткоохоронної справи Федора Ернста. Корпус указанного епістолярію був виявлений і атрибутований професором А.А. Непомятим, і є цікавим джерелом у вивченні розвитку науки на території Кримського півострову в 20–х роках XX ст., зокрема – історії Таврійського університету й біографій діячів науки в Криму вказаного часу.

***Nepomnyashchy A.A.* “In any way I can't overpower itself...”: Nikolay Ernst' letters to Feodor Ernst**

The earlier unknown collection of letters written by the archeologist and the prominent expert on the Crimean studies Nikolay Ernst to his brother Feodor Ernst, who was a person of note in the Ukrainian museology and also the organizer of the archeological sites' protective campaign, came into use of scientists. This collection was brought to light by professor A.A. Nepomnyashchy. The letters are considered to be an interesting source giving an outlook on the development of the peninsular sciences in the 20–ies of the 20th century, also recollecting the history of the Taurida University and some biographies of people who made considerable contributions to the sciences.